Когда читаю стихи Светланы Шегебаевой, невольно приходят на память слова Марины Цветаевой: *«Что же мне делать… с этой безмерностью в мире мер»*. Чувствую, что и Светлана постоянно задаёт себе такой вопрос, потому что он в той или иной тональности звучит во многих её поэтических строках:

Так хочется о главном говорить…
Пожить хоть напоследок «нараспашку»,
Открыто ненавидеть и любить,
И на груди хоть раз рвануть рубашку,

Вступая смело, прямо в честный бой —
Так, чтобы и за правду, и за дело,
Не сгоряча, по пьяни, на убой,
А потому, что надо! И — хотелось.

Ах, сколько лет молчали мы с тобой!
Мол, кто такие мы? И что мы можем?

Душа ж рыдала так, что Ангарой
Восставшею сбегала от сторожи!

Сбегала, чтоб бороться и парить…
На что земля крылатой баловнице?
Лишь для того, чтобы могла вкусить,
От удовольствия освободиться?

Не слишком ли? А может быть, другой
Есть смысл ещё, чтоб на земле родиться:
Познать её, признать, в неё влюбиться,
И с ней расставшись, стать самой собой!..

Так уж распорядилась природа, что жить не по большому счёту и дышать не полной грудью поэту Светлане Шегебаевой не дано. И как человек умный и тонкий Светлана понимает или, может быть, скорее чувствует, что идти против природы — грех, и что высший смысл бытия — это гармония с тем, чем наделило тебя твоё естество. Потому что только так можно в конечном счёте «стать самой собой».

А самой собой для неё, как уже отметил, — это жить «безмерностью в мире мер». И конечно же, в первую очередь по отношению к самому сильному на земле чувству:

Вас Ева яблоком прельщала,
А я Вам подарю — зарю!

И много это или мало,
Не думаю совсем… Дарю!

Что спорить о любви? Не нынче
Господь воздвиг небес чертог…

А я всё та же… Лишь обличье
Пришлось сменить и дать зарок

Являться только песнопевцам,
Видавшим троллей и сильфид…

Не верь, что у меня нет сердца —
Конечно, есть! Но не болит…

Так она и живёт — бездонностью чувств, дарованных ей природой. Порой любит эпатировать парадоксально высказанной мыслью. Делает это талантливо и, если так можно выразиться, — с элегантно-дерзким темпераментом, заложенным в ней генами её восточной крови.

Но, думаю, главное, что движет поэтом и личностью Светланой Шегебаевой, очень лаконично выражено в её восьмистишии:

Платите щедро за любовь — любовью.
Не яростью платите и не болью —

С начала мира до конца времён
Любите нежно тех, кто в вас влюблён.

И горечью вознаграждать не надо
За свежесть чувств, за откровенность взгляда.
Не оскверняйте чистоту колодца —
Пусть пить Вам из него и не придётся.

В двух заключительных строчках этого стихотворения выражена многовековая мудрость, благодаря которой мы ещё живём на земле в том облике, какой нам дан свыше. Потому что именно любовь к ближнему и позволяет назвать человека «Человеком».

А поскольку у каждого из нас любовь к ближнему начинается с любви к маме, стихотворение любого поэта, посвящённое маме, всегда трепетно, священно и наполнено самой высокой благодарностью, которая нередко вмещает в себя ещё и запоздалые раскаянье, печаль, горечь… В таких стихах душа поэта выливается до дна — без малейшей недосказанности. Так и у Светланы:

Моя мама ушла.
Вышла из дому, дверь затворила.
Сумки в руки взяла —
Сразу три, как всегда — не по силам.
……
И ушла. Навсегда.
Плачу, вещи её разбирая.
И вдвойне, и втройне
Заплатила бы, если б могла я

Чёрный день пережить,
Вспять его повернуть, переделать:
Никуда не спешить.
Ничего не позволить ей делать…

Вечно нам недосуг.
Мы же взрослые, думаем, знаем,
Что у мамы недуг.
Что смертельный он, не понимаем…

Всё. Одна я теперь.
Никому я отныне не дочка.
В длинный список потерь
Мною вписана мамочка… Точка!

И это первое наше чувство любви — любовь к маме — формирует в каждом из нас по мере нашего взросления любовь ко всему остальному, что становится нам дорого. У поэта такое чувство выливается в лирику любовную и гражданскую, лирику природы и даже в некоторые философские мотивы.

Вся эта палитра чувств ярко звучит в поэзии Светланы Шегебаевой. Поэтому так сильно действуют на читателя мотивы её стихотворений, где душа поэта полностью вкладывается в строку. Вот, например, как пишет Светлана о Великой Отечественной войне:

Что скажет лёгший под Москвой, поднявший
В атаку кровью вмёрзший в землю взвод?
А тот, уже в Берлине умиравший
От ран вдали от дома… он — поймёт,

Какие побудили нас причины
Забыть, что мы их внуки и сыны?
Сорвите с лиц фальшивые личины —
Поймёте, что не нам, а мы должны:

Встать сами, поддержать того, кто рядом,
Признать свой тяжкий русский крест и рок!
Чтоб тот, кто пал в бою под Сталинградом,
Потомками назвать — признать! — нас мог!

Здесь очень важна фраза: «не нам, а мы должны», потому что в ней отчётливо видна личность человека — его духовная философия. И будто продолжением духовной философии Светланы Шегебаевой звучит её стихотворение «Властителям и судиям»:

Справедливость часто вне закона.
Он не выше истины. Закон.
И, когда не щит он, а препона,
Должен, значит, будет попран он!

Только Божий суд и непреложен.
Остаётся лишь мечтать о нём.
Жаль, мы знать заранее не можем,
Кто из нас уже приговорён,

А кому оставлена надежда…
Но предупрежденье было нам:
Судят там отнюдь не по одеждам —
По делам и мыслям судят там.

Брать пример бы надобно владыкам
С праведного этого суда:
Чтоб прослыть в истории великим,
Быть великим нужно иногда…

Справедливость — высший смысл Закона.
Истины орудие — Закон!
Если же не щит он, а препона,
Должен, значит, будет попран он!

Философская мысль любого Художника в конечном счёте приводит к рождению поэтических образов. У Светланы они обычно неожиданны, поэтому нетривиальны и наполнены таким смысловым воображением, что действуют на воображение читателя очень эффективно. В частности, картины, составленные из таких образов, позволяют увидеть хорошо знакомые предметы и явления окружающего мира более ёмко, чем видел прежде:

Мир мудрой лаской полон до краёв.
В его лесах застыла песня света:
Желтеющими почками стогов
Беременеет молодое лето.

И каждый год, снегами лик укрыв,
Земля уходит в зимнюю истому,
Чтоб приумножив жизнь и сохранив,
Припрятать до весны в глубокий омут.

А в новый срок, разбужены весной,
Лучами солнца бережно согреты,
Поля опять украсятся травой
И соловьи споют свои сонеты…

Всё в мире обусловлено. И я
В нём тоже луч прозрачной силы света.
Перед разливом неба — алтаря
И при свечах берёз легко отпета.

Когда читал заключительное четверостишие, невольно ощутил высокую степень внутреннего слияния поэта с мирозданием.

Это ощущение продолжает утверждаться в моём восприятии, когда читаю:

Бог избрал меня для мучений —
Не для скромного бытия.
Не для радости — для сомнений,
Напряжения мысли для.

Я молилась не в храме Божьем,
Я просила, но не в церквях:
«Дай мне, Боже, чтобы — не строже,
Чем колодницею в цепях.

Накрест грудь платком подвязавши,
В лёгких лапотках, да с сумой —
Дай пройти мне Россией раньше,
Чем однажды придут за мной…»

Что ни день, маету иную
Сторожит у ворот беда…
Для чего ширь мою лесную
Превратили вы в города?

Вот сбежала легко дорога,
Улеглась на лесной груди.
Небо смотрит светло и строго…
Ах, как много вёрст впереди!

Мысль, выраженная в заключительной строчке первого четверостишия, проходит через многие стихи поэта в самых разных вариациях, но с единым предчувствием — для чего, по большому счёту, Бог избрал каждого из нас. А о том, какие душевные переходы Бог может подарить, читаем, например, в оригинальном по сюжету и лингвистической стилистике стихотворении «Перед и после»:

Почти спокойна. Передвечер.
Иль передутро — горя мало.
Оплывшая слепая свечка
Упрямо тянет тень бокала

По скатерти. Дрожит, змеится
Дымок над фитилём чадящим.
И сердце… Сердце трусит биться
Меж будущим и настоящим.

Всё замерло. Всё в ожиданье.
Всё в стадии передпохмелья.
Переплавляется в страданье
Уставшее послевеселье.

И тает цвет, плывёт фактура
Реальности, взорвавшись болью.
Все бесы ада караулят
Мою измученную волю.

Я скоро сдамся — скоро, скоро…
Я ваша. Но не торопите.
Души последнего затвора
Не взламывайте, обождите.

Передтоска — после утраты.
После разлуки — посленежность.
И настигающей расплаты
Оправданная неизбежность.

Эти состояния — передвечера *и* передутра, передпохмелья *и* послевеселья, передтоски и посленежности — льются в её строках чарующим волшебством изысканного блоковского воображения, изящества и объёма мысли.

В целом же мне приятно отметить, что, читая стихотворения Светланы, ощутил в ней Художника. Потому что истинный Художник, как показывает история, пишет об одном — о глубинной сути человека. Но поскольку каждый из нас по велению природы рождается сугубо индивидуальным, то и форма выражения этого глубинного у каждого Художника своя. Она и определяет — оставит ли время потомкам твоё имя или нет.

И я желаю Светлане того, что пожелала она себе:

…Дар жизни недаром зовётся.
Что проку о нём сожалеть?
Ведь так изначально ведётся:
Прийти, победить, умереть…
……
Доподлинно верю и знаю:
Нет брода в вселенском огне!
И лишь на одно уповаю,
Что вспомнит Господь обо мне.

Судя по тому, как водит Господь её пером, он помнит о поэте Светлане Шегебаевой постоянно.